Р 89

XXXIX.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901

5.

Стр.

5. Народная война въ Смоленской губерніи въ 1812 году. По современнымъ бумагамъ. **А. Н. Слезскинскаго.**

27. Изъ писемъ **А. Я. Булгакова** къ его брату. 1824-й годъ.

94. Іринархъ Ивановичъ Введенскій (1813—1855) по его письмамъ. **В. Я. Б.**

129. Бессарабія въ произведеніяхъ Пушкина. **А. П. К.**

134. Суворовскій „Прошка“ по кончинѣ своего барина. (Письма о немъ **князя Кутузова, графа И. П. Салтыкова** и вдовы **Суворова**).

137. Систовская паника. Изъ воспоминаній о войнѣ 1877—1878 гг. **Д. В. Бартенева.**

145. Изъ Записокъ **М. С. Сабининой** (1855—1856).

155. Письма къ графинѣ А. Д. Блудовой профессора философіи **В. П. Кудрявцева.**

Въ приложеніи.

Дневникъ статсъ-секретаря Екатерины Великой А. В. Храповицкаго. Новое изданіе. Годы 1782—1788.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1901.

РОСТОВ... МУЗЕЙ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МАРѲЫ СТЕПАНОВНЫ САБИНИНОЙ *).

22 Октября (1855). Утромъ поздравляли Листа со днемъ его Ангела Вечеромъ кругъ его почитателей, учениковъ и ученицъ устроилъ праздничное представленіе, написанное Густавомъ Штейнаккеромъ, подъ заглавіемъ «das Meisters Walten». Послѣ этого была музыка и пѣніе. Затѣмъ для окончанія была живая картина. Все вышло очень удачно, и Листъ былъ видимо тронутъ этимъ знакомъ вниманія къ нему. А. Рубинштейнъ присутствовалъ на вечерѣ, но не принималъ въ немъ никакого участія. Было что-то въ родѣ зависти въ отношеніяхъ Рубинштейна къ Листу, который уже окончилъ свою артистическую карьеру и могъ только быть ему полезнымъ въ совѣтахъ и указаніяхъ; но Рубинштейнъ не всегда принималъ ихъ и совсѣмъ не симпатизировалъ новому направленію музыки, во главѣ котораго стояли Листъ, Вагнеръ, Берліозъ и цѣлая вереница молодыхъ силъ. Все это онъ высказывалъ и не всегда слишкомъ любезно для своего хозяина Листа, у котораго всегда жилъ на Альтенбургѣ, когда бывалъ въ Веймарѣ.

Въ началѣ этой осени вновь подняли вопросъ о постановкѣ Тангейзера въ Берлинѣ. Желая поближе ознакомиться съ этой драмой, директоръ Гюнценъ, капельмейстеръ Дорнъ, режиссеръ Вайнеръ и теноръ Формезъ пріѣхали въ Веймаръ, чтобы присутствовать при ея представленіи. Такъ какъ отъ Берлинскаго представленія Тангейзера зависѣло дальнѣйшее, а главное для Вагнера, скорѣйшее распространеніе его драмъ, то онъ ставилъ условіемъ, чтобы музыкальная часть оперы была исполнена согласно указаніямъ Листа, котораго Вагнеръ считалъ единственнымъ музыкантомъ, вполнѣ понимавшимъ его намѣренія. Желаніе Вагнера было удовлетворено. Гюнценъ пригласилъ Листа на репетицію въ Берлинъ. Капельмейстеръ Дорнъ, которому поручено было дирижировать Тангейзера, гордился этой задачею и приложилъ всѣ свои старанія, чтобы исполнить данное ему порученіе, безо всякихъ замедленій и вполнѣ подчиняясь руководству Листа, что

*) См. „Русскій Архивъ“ сего года, вып. 3-й, стр. 520.

дѣлаетъ честь Дорну. Листъ самъ управлялъ нѣкоторыми репетиціями. Главныя роли довѣрили первоклассным артистамъ. Роль Тангейзера добросовѣстно изучилъ Формезъ, Елисавету съ увлеченіемъ исполнила племянница Р. Вагнера, Іоанна Вагнеръ, которая, вполнѣ владѣя своей задачею, дала предчувствовать, какую удивительную Елисавету она создастъ. По приказанію короля не жалѣли денежныхъ расходовъ, чтобы внѣшняя постановка была великолѣпна, и ее приготовили съ большой роскошью, художественно и исторически-вѣрно. Представленіе Тангейзера, данное въ Берлинѣ 7-го Января 1856-го года, было великолѣпно; а тѣмъ временемъ Вагнеръ почти погибалъ отъ ежедневныхъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ. Онъ былъ въ такомъ настроеніи, что желалъ бы умереть скорѣе сегодня, чѣмъ завтра. Но, вмѣстѣ съ этимъ, избытокъ творческихъ силъ былъ въ немъ такъ великъ, что новые проэкты рождались въ его головѣ и, какъ Листъ очень вѣрно о немъ говорилъ, quand on fait du sublime, on ne saurait trop faire, surtout quand ce n'est qu'une question de nature et d'habitude *). Но Вагнеръ тяготился медленностью своей работы; ему приходилось тратить много времени на вещи, которыя могъ бы дѣлать кто-нибудь другой, какъ напримѣръ, на переписку партитуръ, которую онъ могъ поручить другому лицу, если бы у него были на то средства. Онъ постоянно обращался къ Листу съ просьбой о высылкѣ ему денегъ. Листъ помогалъ ему, сколько самъ былъ въ состояніи, просилъ другихъ помогать Вагнеру; но иной разъ, не имѣя возможности исполнить его просьбу, онъ тяготился отказать ему. Часто Листъ негодовалъ на Вагнера за то, что онъ никакъ не можетъ устроиться сообразно со своими средствами, и доказывалъ, что ему самому приходится стѣсняться. Бывши въ Цюрихѣ, Листъ даже нашелъ, что Вагнеръ, со своей пылкой фантазіей, позволяетъ себѣ такія издержки въ туалетѣ, о которыхъ Листъ и во снѣ не видалъ. Наконецъ, онъ сказалъ Вагнеру, что не въ состояніи ему больше помогать.

Во время своихъ концертныхъ путешествій, Листъ отложилъ капиталъ, съ процентовъ котораго жила его мать въ Парижѣ и воспитывала его трехъ дѣтей. Самъ же Листъ не дотрогивался до этого капитала, но жилъ очень скромно, воздерживаясь ото всякихъ излишествъ, исключительно на свое жалованіе, получаемое имъ изъ шкатулки нашей великой княгини, 1300 талеровъ (около 1500 рублей): сумма весьма скромная, если взять во вниманіе, что ему постоянно надоѣдали и обращались къ нему не только съ просьбами о доставленіи мѣстъ, но и за

*) Кто творитъ великое, никогда не скажетъ себѣ „довольно“, тѣмъ болѣе, что творчество для него привычка и потребность души.

денежною помощью. Разъ онъ пришелъ ко мнѣ ужасно раздраженный и говоритъ: Vous connaissez un tel? Faites-moi la grâce de lui écrire en mon nom, que je n'ai pas une fabrique de places à ma disposition et qu'on me laisse enfin en repos. Si jamais je demande une position pour quelqu'un, c'est alors pour un homme dont je puis répondre non seulement comme artiste, mais aussi comme homme comme il faut, capable de soutenir ma recommandation *). Изливъ весь свой гнѣвъ, онъ успокоился и опять, съ обычною своей любезностью и остроуміемъ, провелъ вечеръ среди насъ. Отказать въ чемъ-нибудь постороннему лицу было ему непріятно; но отказать своимъ друзьямъ, какъ Вагнеру, было для него крайне тяжело, что̀ видно ужъ изъ одного того, что письмо Вагнера онъ оставилъ нѣсколько мѣсяцевъ безъ отвѣта.

18-го Ноября. Въ Веймарѣ въ первый разъ давали оперу Мейербера «Гугеноты». До тѣхъ поръ ея не давали потому, что тамъ помѣщенъ хоралъ Лютера «Eine feste Burg ist unser Gott» и являются католическіе священники и т. д.; покойный гросгерцогъ не дозволялъ представлять подобныя вещи на сценѣ.

Искусство имѣетъ эпохи возрожденія и переворотовъ; безъ борьбы, и часто очень ожесточенной, ничто не достигается. Вотъ почему Листъ и требовалъ отъ своихъ учениковъ, чтобъ они, будучи основательно подготовлены и изучивъ новое движеніе въ развитіи музыки съ такими основными представителями, какъ Шуманъ, Берліозъ, Вагнеръ, прокладывали дальше путь этому движенію. Иные его ученики дѣйствительно добросовѣстно и настойчиво работали въ этомъ направленіи, таковы: Бюловъ, Таузигъ, Брукнеръ, Бендель, Бронсаръ и т. д.; но имъ, какъ и самому Листу, не легко это доставалось. Противодѣйствію, печатнымъ нападкамъ и насмѣшкамъ не было конца.

Въ борьбѣ съ шаблоннымъ направленіемъ, Листъ надѣялся найти себѣ поддержку въ такомъ геніальномъ исполнителѣ, какъ А. Г. Рубинштейнъ. Но въ этомъ онъ ошибся, и это его очень огорчало, такъ какъ онъ не понималъ односторонности Рубинштейна въ музыкѣ. Въ этомъ смыслѣ чувствовалось недовѣріе Рубинштейна къ мыслямъ и направленію Листа, и онъ, часто и подолгу бывая въ Веймарѣ, всегда держался особнякомъ. Я думаю, что онъ, человѣкъ очень осторожный и разсчетливый, не желалъ скомпрометировать свое положеніе въ Россіи; быть можетъ, въ душѣ онъ признавалъ новую силу,

*) Знаете ли вы такого-то? Окажите мнѣ услугу, напишите ему отъ моего имени, что въ моемъ распоряженіи нѣтъ мастерской мѣстъ; пусть меня оставятъ въ покоѣ. Если мнѣ и случается просить мѣста для кого-нибудь, то лишь въ томъ случаѣ, когда я могу отвѣчать за него не только какъ за артиста, но и какъ за порядочнаго человѣка, который не обманетъ моего поручительства.

разбивавшую филистерское войско и его престарѣлую музыку; а пока никто не былъ огражденъ отъ рѣзкихъ нападокъ, онъ устранялся отъ борьбы съ филистерами; но теперь уже на афишахъ Русскаго Музыкальнаго Общества встрѣчаются имена Листа, Вагнера, Бюлова, Раффа и другихъ. Листъ говорилъ: «теперь мы боремся, терпимъ и страдаемъ; но придетъ время, когда намъ отдадутъ должную справедливость».

Я была одной изъ ученицъ Листа и лишь случайно осталась въ Веймарѣ, получивъ (1853 г.) тамъ лестное и для Русской исключительное назначеніе Privat-Pianistin гросъ-герцогини Софіи, а годъ спустя она меня назначила учительницей музыки при основанномъ ею въ Веймарѣ Sophien-Stift, институтѣ для молодыхъ дѣвицъ. Въ этой должности я оставалась съ 1854-го года до 1860-го года, когда, совсѣмъ для себя и для всѣхъ неожиданно, была назначена Государыней Императрицей Маріей Александровной руководить музыкальнымъ образованіемъ великой княжны Маріи Александровны. Это какъ разъ совпало съ тѣмъ временемъ, когда Листъ меня просто гналъ изъ Веймара, и велись переговоры, чтобы мнѣ испытать свои силы въ Парижѣ и Лондонѣ. Къ этому шагу, кромѣ Листа, меня подстрекала еще моя подруга Анна фонъ-Эйхель, которой была не по душѣ трата моихъ силъ въ Веймарѣ; она, какъ и Листъ, желала для меня болѣе просторнаго поля дѣятельности. Но все это разбилось назначеніемъ моимъ къ высочайшему двору. Однимъ словомъ, Листъ держался того правила, что артисты должны работать, пока не найдутъ настоящаго своего мѣста призванія, а не плеснѣть на одномъ мѣстѣ.

23-го Ноября. Умеръ интендантъ Веймарскаго театра Ф. ф.-Цигезаръ, отличный и очень добрый человѣкъ. Онъ былъ друженъ съ Листомъ и работалъ съ нимъ заодно, и если Листъ въ то время такъ настойчиво и усердно работалъ для развитія музыки въ Веймарѣ, то многое слѣдуетъ приписать той поддержкѣ, которую онъ всегда находилъ со стороны Цигезара. Въ тотъ-же день Листъ навѣстилъ вдову своего друга, а затѣмъ зашелъ ко мнѣ и занимался со мною.

15-го Декабря днемъ былъ у насъ Листъ, а вечеромъ я была на Альтенбургѣ, гдѣ Листъ очаровательно игралъ. Теперь, когда прошелъ ярый пылъ юности, и все видѣнное, слышанное, прочитанное и пережитое опредѣленно сложилось и дѣйствовало на его умъ и сердце, въ играющемъ поэтѣ-Листѣ не могли бы узнать прежняго піаниста-Листа тѣ, которые слыхали его прежде, во время его тріумфальныхъ путешествій по Европѣ, когда онъ сводилъ съ ума своей діаболической техникой. Теперь онъ игралъ, не показывая своей техники, которую ставилъ уже на второй планъ; но передъ слушателями раскрывалась

поэтическая картина въ звукахъ, поражающая до глубины души всякаго мыслящаго человѣка: она возвышала и увлекала куда-то выше дрязгъ и суеты земной. Но игралъ Листъ вообще лишь въ тѣсномъ кругу друзей и знакомыхъ. Память о своей техникѣ онъ оставилъ въ безчисленномъ множествѣ фортепіанныхъ сочиненій, принадлежащихъ первой эпохѣ его артистической карьеры, и которыя въ тоже время имѣли цѣлью музыкальное развитіе публики. Но Листъ отлично понялъ, что эти вещи не соотвѣтствуютъ его таланту, и оставилъ этотъ салонный жанръ, послѣ чего наступилъ періодъ переходный къ оркестровымъ произведеніямъ, когда онъ написалъ циклъ Венгерскихъ рапсодій, которыя, по изяществу и умѣнію владѣть средствами рояля, и теперь остаются единственными въ своемъ родѣ, и свои Soirées de Vienne, гдѣ онъ воспользовался вальсами Ф. Шуберта и разработалъ ихъ элегантнымъ и характернымъ образомъ. Шесть симфоническихъ поэмъ его въ то время были вполнѣ готовы (Орфей, Прелюдіи и т. д.) къ печати. Но злоба лицъ возстававшихъ противъ Веймарской музыкальной дѣятельности до того раздражала его, что онъ рѣшилъ выпустить ихъ въ свѣтъ не ранѣе какъ самъ ознакомивъ съ ними публику.

1856-й годъ.

21-го Января. Была столѣтняя годовщина со дня рожденія Моцарта, и Листъ, по приглашенію, ѣздилъ въ Вѣну, гдѣ управлялъ праздничными концертами. Въ Веймарѣ представленіе въ честь этой годовщины запоздало и было устроено 3-го Февраля, при чемъ выручка предназначалась въ пользу общества имени Моцарта. По этому случаю играли Донъ-Жуана и въ первый разъ съ Нѣмецкими речитативами, что̀ дало особый интересъ этому представленію. До того времени, вмѣсто речитативовъ, слова̀ просто говорились безъ музыки.

8-го Февраля. У меня былъ Листъ, но недолго: онъ ожидалъ Г. Берліоза, который пріѣзжалъ для постановки своего Бенвенуто-Челлини. Глубоко почитая геніальное дарованіе Берліоза, Листъ неутомимо работалъ для распространенія его сочиненій. Разсчитывать на пониманіе его сочиненій со стороны Французской публики въ то время было немыслимо. Листъ дружески протянулъ Берліозу руку и, неоднократно вызывалъ его въ Германію, давалъ ему возможность слышать свои сочиненія и управлять ими. По серьезности мысли и художественной оркестровкѣ сочиненія Берліоза стояли на первомъ планѣ.

12-го Февраля. Я присутствовала на репетиціи «Бенвенуто-Челлини». Текстъ перевелъ на Нѣмецкій языкъ Петръ Корнеліусъ. Берліозъ самъ управлялъ своей оперой, которую дали 16 Февраля, въ честь рожденія великой княгини.

23-го Февраля. Литольфъ сдѣлалъ мнѣ визитъ. Онъ два раза покушался на самоубійство: первый разъ пуля не убила, но оставила видный шрамъ, а недавно онъ хотѣлъ утопиться, бросился съ моста въ рѣку, но его благополучно вытащили.

Принцесса Августа Прусская, гостя у своей августѣйшей матери въ Веймарѣ, потребовала исполненія Лоенгрина. Листъ дирижировалъ, роль Ортруды очень характерно исполнила Паулина Маркъ изъ Берлина, Лоенгрина—Каспари, а оба супруга Мильде отличались, какъ всегда, въ роляхъ Эльзы и Фридриха. Въ этотъ вечеръ передо мной сидѣли Берліозъ и его жена. Не теряя ни единаго звука, не роняя ни единаго слова, онъ сосредоточенно слѣдилъ за музыкальной драмой; только ему, какъ истому Французу, видимо не по душѣ были длинные Нѣмецкіе речитативы; когда они долго тянулись, онъ нервно вертѣлся на стулѣ и успокоивался только, когда они кончались. Жена его выказывала еще болѣе нетерпѣнія. По окончаніи перваго дѣйствія, онъ продолжалъ сидѣть молча, а она вынула изъ кармана яблоко и стала его нервно истреблять. Въ чинномъ придворномъ театрѣ не привыкли къ подобному препровожденію времени, и понятно, что глаза всѣхъ устремились на нее.

Берліозъ и Вагнеръ долго не понимали, то-есть не познавали другъ друга. Оба геніально одаренные природой, они отличались рѣзкостью характера. Такія натуры могутъ, не измѣняя себѣ, мирно идти вмѣстѣ, не смотря на расходящіяся ихъ мнѣнія, такъ какъ въ концѣ-концовъ они соединяются и стремятся къ исходной точкѣ ихъ идеѣ—къ искусству. Вагнеръ съ трудомъ изъяснялся по-французски, а Берліозъ по-нѣмецки, вслѣдствіе чего послѣднему еще труднѣе было понять Вагнера и его музыкальныя драмы, чѣмъ Вагнеру оркестровыя произведенія Берліоза. Еще въ 1853 году Вагнеру непріятно было ѣхать въ Парижъ, при мысли о встрѣчѣ съ Берліозомъ, вслѣдствіе трудности объясненія на Французскомъ языкѣ. Листъ, со своей стороны, все вызывалъ Вагнера сблизиться съ Берліозомъ; его старанія увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ, и оба генія сблизились. Берліозъ, изучая творенія Вагнера, отдалъ ему полную справедливость и всей душой поддался притягательной силѣ этого необыкновеннаго человѣка. Вагнеръ отдавалъ полную справедливость изумительно-тонкому музыкальному генію Берліоза, но не могъ согласиться съ его мелодраматическими симфоніями. Я сама помню, какое непріятное впечатлѣніе произвело на меня произведеніе Берліоза «La vie d'un artiste». Причина, должно быть, была та, что слово сказанное, а не спѣтое, не можетъ такъ тѣсно слиться со звуками: оно всегда будетъ рѣзко от-

личаться отъ нихъ. Вагнеръ доказалъ тоже самое, изгнавъ соединительные разговоры, существовавшіе въ прежнихъ операхъ, какъ, напримѣръ, въ «Донъ-Жуанѣ», и даже, устранивъ ихъ; существующіе речитативы онъ облекъ въ ритмическую форму. Мысль о музыкальной драмѣ возродилась у Вагнера, когда онъ глубоко обдумалъ строй девятой симфоніи Бетховена. Бетховену музыка показалась слишкомъ слаба, чтобъ выразить чувство радости, которое онъ хотѣлъ передать, и тогда онъ присоединилъ слово къ звуку. На этомъ Вагнеръ строилъ свою музыкальную драму и програмную музыку вообще.

Берліозъ поразилъ образованную Европу своею книгой «Traité d'instrumentation et d'orchestration modernes». Въ этомъ удивительномъ сочиненіи собраны образцы и указаны особенности всѣхъ старинныхъ и новѣйшихъ композиторовъ. Цѣлые годы своей жизни употребилъ онъ на изученіе твореній всѣхъ великихъ композиторовъ и, не смотря на ежедневную борьбу за кусокъ хлѣба, онъ удивительно закончилъ этотъ громадный трудъ. Изученіе всѣхъ предшествовавшихъ ему композиторовъ дало ему то глубокое знаніе гармоніи и инструментаціи, которое не могли бы дать ему никакой учитель и никакая консерваторія; подобное знаніе пріобрѣтается только личными и долгими трудами. Онъ находилъ, что все, что было написано со временъ Бетховена, не довольно подвинулось въ отношеніи инструментаціи и выраженія ритма. Нѣкоторыя изъ его симфоній передаютъ движенія души, къ другимъ онъ прибавилъ программу, объясняющую ходъ его мыслей, или указалъ на поэму, которая вызвала въ немъ передаваемую композицію. Иногда же онъ прибавлялъ словесныя объясненія къ своимъ сочиненіямъ, находя, что публика страдаетъ недостаткомъ воображенія. Поступая такъ, Берліозъ вовсе не хотѣлъ отказаться отъ существовавшихъ и выработанныхъ формъ, но стремился ихъ дополнить и расширить. Если можно такъ сказать, Берліозъ преувеличивалъ возможность выраженія чувства въ музыкѣ. Вагнеръ, напротивъ, уменьшалъ эту возможность: онъ предался декоративной музыкѣ и вполнѣ отступилъ отъ симфоніи. Нѣмецкая музыка еще въ прошломъ столѣтіи дополнялась изученіемъ Итальянскихъ и Французскихъ писателей; вездѣ, гдѣ только было можно, она присвоивала себѣ и присоединяла къ своей Нѣмецкой музыкѣ то, что находила. Наоборотъ, Италія и Франція оставались при своемъ, не черпая изъ иностраннаго опыта; но при этомъ Италія остановилась въ своемъ музыкальномъ развитіи, а Франція не намного пошла впередъ. Симфоническая форма осталась чуждою для Италіи; во Франціи сдѣланы опыты ввести ее, но она не стала популярной. Вотъ почему Берліозъ посѣдѣлъ, не бывши при-

знаннымъ и даже извѣстнымъ у своихъ соотечественниковъ. Онъ перебивался въ своемъ отечествѣ до того времени, пока Германія и Россія не вызвали его для исполненія его произведеній, и опять-таки Берліозъ поѣхалъ въ Веймаръ для исполненія своей симфоніи «Фаустъ», по приглашенію Листа. Репетиціи дѣлались каждый день, и нашъ пѣвческій кружокъ съ увлеченіемъ изучалъ это чудное произведеніе. Изящная и очаровательная инструментація приводила меня въ восторгъ. Сочиненія Берліоза для пѣнія не легки, но гораздо больше трудностей встрѣчается въ исполненіи оркестровыхъ вещей. По малочисленности Веймарскаго оркестра, отъ каждаго его члена требовалось точное исполненіе его задачи. Берліозъ, по своему глубокому знанію механизма и спеціальнаго характера каждаго инструмента, часто выдвигалъ и употреблялъ такіе инструменты, которые въ обыкновенныхъ партитурахъ исполняли лишь пассивную роль. Часто лица, игравшія на такихъ рѣдко употребляемыхъ инструментахъ, ворчали на трудность и доказывали невозможность исполненія, но Берліозъ очень спокойно и стойко повторялъ одно и тоже мѣсто такъ долго съ отдѣльными инструментами, пока исполненіе не становилось понятнымъ и трудное легкимъ. Въ ритмическомъ отношеніи всѣ сочиненія Берліоза давали много новаго. Дирижируя, онъ очень мѣтко обозначалъ для играющихъ тѣ мѣста, которыя могли имъ казаться странными; онъ не тяготился до ста разъ повторять одно мѣсто, пока все не исполнялось въ точности. Но даже терпѣніе Нѣмца порвалось разъ при репетиціи Берліоза: игравшіе взбунтовались и не хотѣли продолжать повторять. Берліозъ обернулся, въ недоумѣніи смотря на Листа, что̀ ему дѣлать? Тогда Листъ безпощадно разбранилъ непослушныхъ. Вообще Листъ не стѣснялся съ ними: члены капеллы, привыкшіе играть партитуры Моцарта, Обера и т. д., не представляющія никакихъ трудностей для исполненія, вознегодовали, когда имъ стали давать для исполненія партитуры Вагнера и Берліоза. Листъ, видя, что съ такими силами онъ далеко не пойдетъ, старался привлечь въ члены Веймарской капеллы артистовъ, какъ Іоахимъ, Лаубе, Зингеръ, Кемпель, Грюнъ, Коссманъ, Набичъ и т. д., послѣ чего Веймарская капелла, при скромномъ числѣ членовъ, была въ состояніи исполнять все, что̀ ей давали.

Ничто такъ не подлежитъ мелочной зависти, какъ геніальное дарованіе, и въ Веймарской капеллѣ образовалась клика слабыхъ музыкантовъ, которые тайкомъ старались ставить палки въ колеса труженика-Листа. Они тогда только поняли, чѣмъ былъ для нихъ Листъ, когда онъ покинулъ Веймаръ.

25-го (13) Марта. Скончалась Мавра Петровна Соколова, преданная камеръ-фрау и довѣренное лицо нашей великой княгини и ея другъ, если такъ можно сказать. Мавра Петровна поступила на службу въ 1803-мъ году, въ томъ же году пріѣхала съ нашей великой княгиней въ Веймаръ и неотлучно состояла при ней въ продолженіе слишкомъ пятидесяти лѣтъ. Великая княгиня ее очень любила и вполнѣ цѣнила ея спокойный, осторожный и кроткій характеръ. Можно сосчитать дни, въ которые, въ теченіе болѣе полувѣка, она разставалась со своею великой княгиней; впрочемъ, хотя рѣдко, но иногда это случалось, когда великая княгиня отдавала визиты, въ одинъ или два дня, кому-либо изъ близъ-лежащихъ маленькихъ дворовъ, и брала съ собою какъ можно меньше свиты. Правильная и дѣятельная жизнь, которую вела наша великая княгиня, передавалась и лицамъ, стоявшимъ близъ нея. Не смотря на то, что Мавра Петровна ежедневно вставала въ 6 часовъ и отъ 8-ми уже дежурила, она была удивительно добра и почти никогда не бывала больна. Когда она скончалась, ей было около семидесяти лѣтъ, а на видъ трудно было ей дать болѣе пятидесяти. Она была въ большомъ почетѣ у всѣхъ дѣтей нашей великой княгини, обѣ принцессы Прусскія и гросгерцогъ всегда заходили къ ней, что̀ и понятно: они всѣ родились при ней.

Мавру Петровну Соколову похоронили на Веймарскомъ кладбищѣ, близъ гросгерцогскаго мавзолея. Мой отецъ хотѣлъ слѣдовать за гробомъ пѣшкомъ и въ полномъ облаченіи, по православному обычаю. Но наша великая княгиня этого ему не позволила, а приказала ему ѣхать въ закрытой каретѣ, и слѣдовать за гробомъ только уже на самомъ кладбищѣ. Она всегда боялась вызвать удивленіе, или же дать поводъ къ замѣчаніямъ въ протестантской землѣ, при видѣ православнаго священника въ полномъ облаченіи, или даже въ рясѣ. Къ ней мой отецъ являлся всегда во фракѣ, и даже на похоронахъ великаго герцога Карла-Фридриха, онъ шелъ въ числѣ духовенства во фракѣ, тогда какъ католическій деканъ былъ въ облаченіи. Можетъ быть, наша великая княгиня вспоминала разныя приключенія, происшедшія съ Русскимъ духовенствомъ за границею. Въ началѣ этого столѣтія понятія о Россіи и о томъ, какъ живутъ Русскіе, были очень смутны въ сосѣднихъ государствахъ. На Русскихъ смотрѣли, какъ на какихъ-то полудикихъ людей. Предшественникъ моего отца въ Копенгагенѣ пошелъ осматривать городъ; но немедленно онъ былъ окруженъ уличными мальчишками, которые вырѣзали у него большой кусокъ рясы. Еще въ шестидесятыхъ годахъ, мой дядя, Иванъ Васильевичъ Рождественскій, сопутствовалъ Великому Князю Алексѣю Александровичу,

во время его плаванія въ Сѣверную Америку. Когда онъ отправлялся туда, я предупреждала его, чтобъ онъ, на всякій случай, взялъ съ собой штатское платье; но онъ съ негодованьемъ отказался отъ этого, говоря, что никогда не сниметъ своей рясы. По пріѣздѣ въ Гамбургъ, Великій Князь остановился на нѣсколько дней, и мой дядя хотѣлъ воспользоваться этимъ временемъ, чтобы съѣздить въ Дрезденъ, осмотрѣть картинную галлерею. Когда онъ въ Гамбургѣ вышелъ на улицу въ своей рясѣ, толпа уличныхъ мальчишекъ окружила его и стала подшучивать надъ нимъ. Онъ плохо зналъ Нѣмецкій языкъ; но это онъ понялъ и, чтобъ избавиться отъ шалуновъ, вошелъ въ первый попавшійся ему магазинъ готовыхъ мужскихъ платьевъ; здѣсь новая бѣда: не оказалось ни одного достаточно длиннаго платья. Все-таки онъ рѣшился лучше надѣть короткое платье, чѣмъ опять попасть въ руки уличныхъ шалуновъ; но, увидавъ себя въ зеркалѣ, онъ не могъ не усмѣхнуться самъ надъ собой: съ непривычки носить штатское платье, онъ не зналъ, какъ въ немъ повернуться, да вдобавокъ оно было ему коротко. Но нечего было дѣлать и, во время пребыванія своего въ Германіи, онъ не покидалъ своего короткаго, но общепринятаго костюма. О такихъ приключеніяхъ съ православными священниками за границей мы слыхали, и, вѣроятно, великая княгиня, знавшая о нихъ, во избѣжаніе подобныхъ непріятностей, не позволяла моему отцу носить свою рясу на улицѣ. Также не дозволяла она ему носить бороду и длинные волосы. Во время коронаціи императора Александра II-го, наша великая княгиня поѣхала въ Россію и взяла съ собой моего отца, дозволивъ ему воспользоваться свободнымъ временемъ, чтобы съѣздить на родину, въ Воронежскую губернію. Въ Россіи отецъ отпустилъ бороду и волосы. Возвращался изъ Россіи онъ опять вмѣстѣ съ великою княгинею. Только что они сѣли на пароходъ въ Петергофѣ, какъ великая княгиня подходитъ къ нему и говоритъ: «Ну, батюшка, теперь сбрейте бороду и велите остричь себѣ волосы». Къ счастью, нашелся матросъ, который оказалъ ему эту услугу.

По смерти великой княгини, у нея въ спальнѣ не оказалось ни одного образа: вѣроятно, ихъ спрятали, чтобы не слышать замѣчаній о кумирахъ, или была тому другая причина, я не знаю; но, словомъ, не нашедши образа у великой княгини, отецъ привезъ изъ дома свой образъ и возложилъ его на тѣло, чтобы къ нему прикладывались.